

23 апреля в Областной универсальной библиотеке им. Бабушкина будут подведены итоги (пишу эти строчки 21 апреля) литературного фестиваля «Вологда читающая» и в его рамках - литературного конкурса «Вдохновенные Беловым». Мне довелось читать работы, присланные на этот конкурс. Среди его участников и жители Вологодского района, но об этом в следующих выпусках «ЛМ». Конкурсные работы опубликуем позже, а сегодня хочу предложить читателям прекрасный очерк современного русского писателя Сергея Щербакова. С какой же любовью и пониманием это написано...

Д. Е.

Сергей ЩЕРБАКОВ

Воды прозрачные

Толкование на повесть Василия Белова «Привычное дело»

« - Парме-ен? Это где у меня Пармен-то? А вот он, Парменко. Замерз? Замерз, парень, замерз? Дурачок ты Парменко. Молчит у меня Парменко. Вот, ну-ко мы домой поедем. Хошь домой-то? Пармен ты, Пармен...»

Так начинается повесть Василия Белова «Привычное дело». С разговора изрядно выпившего Ивана Африкановича со своей лошадкой Парменом. Оправдывается он: «Ая, Пармеша, маленько выпил, выпил, друг мой, ты уж меня не осуди... А что, разве русскому человеку и выпить нельзя? Нет, ты скажи, можно выпить русскому человеку? Особенно ежели он сперва весь до кишков на ветру промерз, после проголодался до самых костей?.. Все мы, Парменушко, под сельпом ходим, ты уж меня не ругай».

Ивану Африкановичу перед лошадкой совестно!

Чтобы Пармену не так было обидно, что он один мерз на улице, Иван Африканович пересказывает, что происходило в сельпо. Как Мишка Петров на спор целую бутылку водки с хлебом из блюда выхлебал. Потом все же не сдюжил, «высочил из-за стола да на улицу». «Ну да ты тут у крылечка стоял, ты его видел, мазурика», - спохватывается Иван Африканович.

И двинулись они к себе в деревню. По дороге Иван Африканович поясняет Пармену, почему Мишка

Петров не поехал с ними домой, а пошел в клуб к девкам, потому что у них в деревне «весь первый сорт по замужьям разобрали, остался один второй да третий». Потом он спрашивает Пармена, не попадет ли ему от бабы, и сам же отвечает, что попадет. Потому что «тоже надо скидку делать, бабе-то... Ведь у нее робетешек-то сколько?.. ведь их восемь... Али девять? Нет, Пармен, вроде восемь... А этим... которой в брюхе-то... Девять?» Иван Африканович пробует сосчитать по именам, кто за кем родился. Окончательно запутывается и машет рукой: «А, шут с ним, все вырастут!»

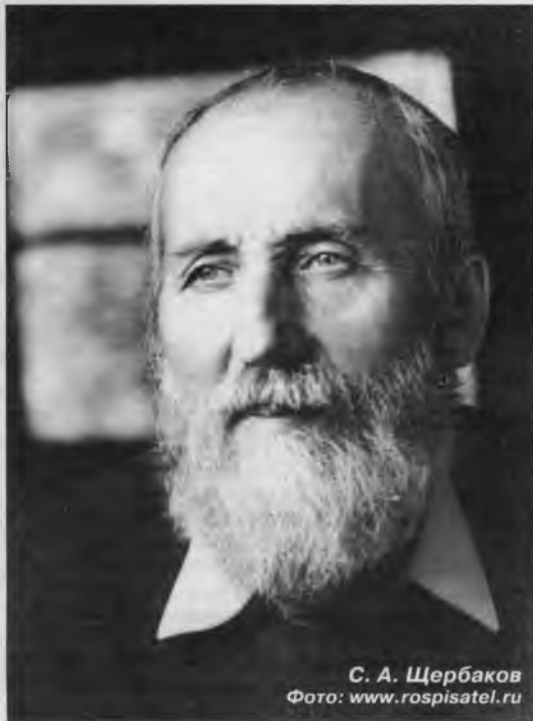
От детей он снова возвращается к жене. Нахваливает Пармену Катерину и ненароком немножко собой гордится: «Только у меня баба не такая, она и отряховку даст кому хошь. А мне ни-ни с пьяным. Пьяного она меня пальцем не тронет, потому что знает Ивана Африкановича, век прожили». Это он о том, что глупые бабы лезут к пьяному мужу с разборкой, а пьяный что понимает? - вот и получают отряховку. А у него баба умная, и он ее тоже пальцем не тронул.

Неожиданно Иван Африканович обрывает свой добродушный разговор с Парменом. С пьяных глаз ему показалось, что Пармен не на ту дорогу свернул. Он обругал его дураком, отхлестал вожа-

ми и «восстановил на верную путь». И вернулись они в ту же деревню, где сельпо! И уже Иван Африканович виновато: «Ну, теперь мы с тобой домой поедем. Вот-вот, заворачивай-ка, батюшко! Ведь я тебе еще каким помню-то?»

Уже и батюшко, а не дурак... Опять перед лошадкой совестно!

В полях их догнал подгоняемый морозцем Мишка Петров, которого шибко грамотные девки с центральной усадьбы не приняли в кавалеры. С расстройства и в отместку Иван Африканович с Мишкой выпили еще бутылку. И сразу «вдруг и скрипящая завертка, и шаги мерина - все приобрело смысл и заявило о себе...». Иван Африканович, которому стало обидно за Мишку, решил оженить его на сосновской Нюшке, своей троюродной сестре. Не откладывая дела в долгий ящик, тут же поехали к Нюшке в Сосновку свататься. Нюшка вытолкала пьяных сватов, решив, что над ней (один глаз у нее с бельмом) хотят посмеяться. Пришлось незадачливым сватам ночевать в бане, потому что «Иван Африканович забыл привязать мерина, и он давно уже топал домой, топал один, под белой луной по тихой дороге, и завертка одиноко скрипела в ночных полях».

С. А. Щербаков
Фото: www.rospisatel.ru

Одиноко скрипящая завертка на санях! Далась она автору! Пять раз он ее поминает в одной главе! Она издает главный и даже единственный громкий звук в ночи. Дома «мерцали лунными окошками». Нет огня в окнах - спят деревни. Едва уловим смысл в скрипении завертки. Перекликается она с бричкой из «Тихого Дона», оборвавшей «железный рассказ на полуслове», когда ехали сватать Наталью за Григория Мелехова... Не разобрал пьяный Иван Африканович, что завертка и шаги мерина напевали ему: «Все добрые люди спят давно. Мы одни в полях. Только мы тишину ночи нарушаем. Скорее домой, домой, домой...» Ему приглянулся другой смысл в скрипении завертки: «Айда в Сосновку, сватать Нюшку». Пьяный ведь - самый умный на свете, а кто считает себя слишком умным - все равно что пьяный...

И когда Пармен один топал домой по ночной дороге, то мы уже слышим, как завертка печально скрипит: «Эх, Иван Африканович, Иван Африканович, забыл ты дорогу домой. А вот Пармеша не забыл, умнее тебя оказался».

(Окончание на стр. 4-5)

(Начало на стр. 3)

Зря ты его дураком честили и вожжами охаживали...» А мне «умная завертка» напела старую истину: «За какие грехи осудим ближнего, в те впадем сами, и иначе не бывает». Пармен-то Ивану Африкановичу один из самых ближних. Он ведь и матку его, Пуговку, помнит, и самого Пармена еще жеребенком: «бывало, бежишь по мосту весь праздничной, дак копытка-ти у тебя так и брякают, так и брякают, и никакой заботушки у тебя тогда не было...»

Истины христианские незыблемы! Они действуют в жизни человеческой - помнишь их или нет. Они все равно действуют!

Конечно, Иван Африканович, дитя безбожной советской власти (никогда он Бога не вспоминает и даже печалится, что Евстоля, теща, стала молиться - видит он в этом плохой знак), но и он помнит кое-что главное. Когда Мишка Петров предлагает выпить в санях, в поле, прямо из горлышка, то он не сразу соглашается: «Вроде бы из горлышка-то... неудобно перед народом». Это ночью в пустом поле! Где, какой народ?! Кажется, опять он что-то не по пьянке несет. Нет, здесь другое. Как ясно станет в дальнейшем, да и теперь уже ясно - перед нами очень хороший человек. Ему даже перед лошадьёю совестно, а перед людьми тем более!.. Таких при советской власти было немало, кто жил всегда так, будто его люди видят. При людях-то стыдно плохие дела творить. Это отголосок христианства, из глубины веков идущий! В Житиях святых читаем, как один пустынный вернул к Богу страшную блудницу. Притворился, что желает согрешить с ней. Когда она ввела его в темную комнату, святой не согласился, мол, веди меня туда, где Бог не увидит. И блудница сообразила: Бог-то все видит, Он Всевидящий. Тогда святой повел ее дальше: «Как же ты тогда на глазах Бога не боишься так страшно грешить?» Блудница в страхе раскаялась. От Бога нигде не спрячешься, и отвечать за темные комнаты когда-нибудь придется перед тем, Кто все видит...

Отголосок христианства у Ивана Африкановича сохранился: «Перед народом неудобно».

По утру, кое-как добравшись домой, Иван Африканович узнает, что Катерину увезли рожать. Кинулся вослед жене: «Бес с ним, с мерником и с товаром, разберутся!» Он ожидал двое суток, не евши, глаз не сомкнувши, и сморило его. «Иван Африканович спал на поленьях: постеснялся даже подложить под голову старый больничный тулуп». Подложив под голову камень или полено, спали святые и становились терпеливыми, безбидными, а таким сам Бог пособляет. Один христианин никогда ни на кого не обижался и оживил молитвой умершего любимого тестя. Сотворил чудо, потому что никогда ни на кого не обижался! Иван Африканович, конечно, не святой и таких чудес творить не может, но он скромно от рождения, да еще хорошо помнит, что когда жену увозили рожать, он гулеванил с Мишкой Петровым. Прорываясь к жене сквозь буран, он думает: «А какое ты дураково поле, Иван Африканович! Напились вчера, ночевал в бане... Некому бить, некому хлестать». Потому он не спит на тулупе, как барин. Его некому бить, хлестать...

Иван Африканович, прежде всего, о других думает, вообще о всякой твари. «У гуманной стены на снегу Иван Африканович увидел неподвижного воробья... «Жив ли ты, парень? - вслух произнес Иван Африканович. - Вроде замерз начисто». Он взял воробья на теплую ладонь и дыхнул. Воробей сонливо мигнул. «Жив прохиндей. Только замерз...» Иван Африканович положил воробья под фуфайку и надел рукавицы. «Сиди, инвалид. Отогревайся в даровом тепле, а там видно

будет... Жись. Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой жись».

Соломон премудрый изрек: «Слова уст человеческих - глубокие воды». Да, трудно их вычерпать! Вроде бы уж чего проще сказал Иван Африканович: «Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой жись». А на самом деле, великую истину любви, достойную уст Соломоновых, он изрек. Что все имеют одинаковое право на жизнь: и кто «под перьями», и кто «под фуфайкой». И скоты, и люди. И кладет воробья под фуфайку к своему сердцу горячему, утверждая: все имеют одинаковое право на любовь. Если же кто «под перьями» погибает, то мы, кто «под фуфайкой» (люди), к сердцу своему приложим. Равными себе сделаем. В любви все равны. Кто «под перьями», тоже окажутся

Воды прозрачные

Толкование на повесть Василия Белова «Привычное дело»

«под фуфайкой»...

Слова уст человеческих - глубокие воды!..

«Он с детства был раноставом... «Лежать, ухо давить? - так думал Иван Африканович.

- Еще належусь. Там лежать времечка хватит, никто уж не разбудит...» «И затемно испилил штабель дров. Когда обозначилась заря, взял топор, сумку рыбную и пошел к реке, к озеру... Снег на солнце сверкал и белел всё яростнее, и эта ярость звенела в поющем под ногами насте». Ай да Белов! Какая точность поразительная! Какая красота! Снег на солнце белеет всё яростнее. Яростнее! И наст, когда долго идешь по нему, начинает звенеть, петь яростно.

«Ноги сами несли его, и он перестал ощущать сам себя, слился со снегом и солнцем, с голубым, безнадежно далеким небом, со всеми запахами и звуками предвечной весны. Все было студено, солнечно, широко. Деревни вдаль тихо дымили трубами, пели петухи, урчали тетерева, мерцали белые скованные морозцем снега. Иван Африканович шел и шел по певучему насту, и время остановилось для него. Он ничего не думал, точ-в-точь как тот, кто лежал в люльке (его сын) и улыбался, для которого еще не существовало разницы между явью и сном. И ддя обоих сейчас не было ни конца, ни начала».

«И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь, и не будете как дети; не войдете в Царство небесное... И так кто умалится, как это дитя: тот и больше в Царстве небесном».

Ивану Африкановичу и обращаться не нужно. Правда, от небесного Царства советская власть его отделила. Отсюда его беззащитность, богооставленность... Но на земле Иван Африканович, «как дитё», и потому больше всех! Василий Белов не просто запомнил детское ощущение жизни, как запомнил Лев Толстой, с пеленок, но сохранил его в себе. Иначе не смог бы понять, что полторагодовалому Вовке и четырехлетней Марусе тоже хочется в люльку... И мне, читавшему эти строки, тоже захотелось в люльку... А какое сокровище четырехлетней Маруси! «Маруся все время молчала, и никто не знал, что она думает. Она родилась как раз в то время, когда нынешняя корова Рогуля была еще телочкой и молока не было, и от этого Маруся росла тихо и все чего-то думала, думала, но никто не знал, что она думала». Как это глубоко увидено! В большой

крестьянской семье бывают такие задумчивые дети, выросшие без молока. И, конечно, мамы и бабушки таких задумчивых и тихих часто по темен гладят. По темен! Жалеют, что они без молока выросли. Зато и не забывают приглубить их почаще. Додать любви! Они - дети, выросшие на любви, а не на молоке... Преподобный Сергей Радонежский, печальник за землю Русскую, во младенчестве отказывался брать материнскую грудь по средам и пятницам - в постные дни. Постился уже в колыбели!

Из таких задумчивых и тихих «постников», как Маруся, праведники вырастали, без которых не стоит село... Как она, четырехлетняя малютка, встретила у бревен мать, вернувшуюся из больницы! Не кинулась, как другие, а стояла за

вич, сам иной раз как дитя малое, чего говорить». Любит Катерина своего Ивана Африкановича!

С первых шагов семейной жизни Катерина поступает как мудрая женщина. Пьяного Ивана Африкановича она не задевает. Утром, конечно, скажет, что следует, но утром Иван Африканович и сам все понимает - «о чем завертка скрипит». Катерина мудрая, терпеливая женщина. В русской национальной традиции умный и терпеливый - почти синонимы. Возьмем хотя бы случай с петухом. «Евстоля, теща Иванова, попросила зятя отрубить петуху голову. А муж молодой заоглядывался, растерялся, только теща даже и не думала, что у нее такой зять, пошла ловить петуха... В глазах у фронто-

Сергей ШЕРБАКОВ

В. И. Белов.
Фото: www.newsvo.ru

бревнами, словно сомневаясь, что она имеет право на такое счастье - кинуться к матери на шею. «И вдруг Катерина почуяла, как у нее чего-то тоскливо и больно сжалось в груди, оглянулась сама не своя, кинулась к тому концу бревен:

- Марусенька, милая...

Девочка, не двигаясь, стояла за бревнами и глядела на мать голубыми немигающими глазами. И столько детской тоски по ласке, столько одиночества было в этих глазенках, что Катерина сама заплакала, бросилась к ней, прижала девочку к себе».

Катерина! Великая русская мать! Сердцем почувствовала, что Маруся стоит за бревнами. «Она знала, что он (младенец) теперь слышит ее по шагам». «Она, чувствуя, как он (младенец) успокаивается при ее приближении, тоже чуть успокоилась». «Она соском чувствовала, как мальчонка изредка улыбається в темноте».

Почему-то сразу приходит на ум Анна Каренина, променявшая своего ребенка на любовника. Она чувствовала, как у нее в темноте блестят глаза. Чехов восхищался этим местом в романе, дескать, у него нет такого поразительного художественного видения, как у Льва Толстого. Но Анна чувствовала себя, а Катерина сердцем, соском чувствует своих детей! Чувствует не себя, а других - потому что они для нее не «другие». Для нее нет «других». «Телятишки, как ребятишки, тыкались мокрыми рылами в ее ладони». И телятишки - ребятишки для нее. Способность чувствовать, принимать «другого», как себя, есть высший дар - Божественный!

Для Анны есть она, чувствующая в темноте блеск своих глаз, и есть другие. В этом ее гибель. Отделилась она от людей, от Бога и погибла. Весь Запад пошел по этому пространному, самоубийственному пути. И западное искусство тоже. Отделились от Бога, друг от друга... А это, как гениально показал Лев Толстой в «Анне Карениной», путь к смерти...

Жизненный круг аввы Дорофея. В центре его Бог. Люди, стремящиеся к центру, становятся все ближе к Богу, и ближе друг к другу. А западный мир, искусство его, все бежит от центра, от Бога в противоположную сторону. И потому они не только от Бога, но и друг от друга отдаляются...

Катерина и к мужу относится, как к своему ребенку, думает: «Девять вот, десятый сам Иван Африкано-

вика стояла жалость, и Катерина видела, как он растерянно глядел то на топор с еловой чуркой, то на трепыхавшего под полкой петуха. Ой, Ваня ты, Ваня, всю войну прошел, а петуха заколоть боишься! Катерина тогда сама взяла топор и ловко нарушила петуха. Пока безголовая птица подсакивала на повети, Катерина мертвой петушиной головой вымачала ладони Ивана Африкановича: «Уж чего-то и не верится, что ты в Берлин захаживал, и за что только людям орденов навывадали?» Спустила минуту довольная теща ловко ошипывала петуха, а Иван Африканович деловито мылся у рукомойника. Намывивал руки, и медали звякали на гимнастерке, а Катерина, еле удерживая смех, стояла и ждала с полотенцем на плече, и на том полотенце тоже был красный петух, и теперь, когда она стирала или катала это полотенце, то всегда вспоминала медовый месяц, и того петуха, и то время, когда они с мужем обнимались днем за шкафом и самовар шумел у шестка, а мать Евстоля ходила недовольная».

Для меня эта страничка - одна из лучших страниц о любви в мировой литературе! Мой отец, прошедший две войны, тоже не мог заколоть кабана и мать нанимала мужиков. Отец виновато суетился - подавал полотенца, тазы. И все как-то делал неловко, невпопад. И мать сердито говорила ему, чтобы он не мешался. Ей было стыдно за него перед чужими людьми. Зато забойщиков она потчевала с великим уважением. Мне было больно и жалко отца, ухившего в комнату и стоявшего

у окна. Родители разошлись, и через несколько лет отец смертельно заболел. Мать забрала его у чужих людей, ухаживала за ним, как за ребенком, обещала, когда он выздоровеет - они будут жить совсем по-другому. Но было поздно. До самой смерти своей мама терзала себя за глупость, за упрямый характер. И наставляла невесток относиться к нам с братом бережно, терпеливо, с уважением. На всех без исключения поздравительных открытках моей жене мама непременно желала ей счастья «рядышком с Сережей». Рядышком...

Катерина пожелала мужа, покрыла своей любовью его неумение заколоть петуха. Спасла от насмешек тещи! Любовь свою берегла. Заложила ей твердое основание таким, казалось бы, незначительным житейским поступком!..

Еще одна из лучших страниц о любви. «Звезды синели в холодном небе. Катерина на ходу шлепнула рукавицей своего мужа и не остановилась, побежала к скотному двору. Пилит. Раньше ее поднялся, фонарь зажег да и пилит. Она ухмыльнулась, вспоминая, как вчера ночью по привычке хотел он ее пообнимать, а она отодвинулась, и он обиделся, начал искать курево, и ей было так радостно, что он обижался. С этой вчерашней радостью и прибежала она на двор».

«Ромео и Джульетта», «Шербургские зонтики», «Мужчина и женщина». Влюбленность, страсть! Жизнь еще не начиналась... Катерина спит не больше пяти часов, обихаживает девятих детей, двенадцать коров да еще телятишек. И после всей этой запредельной круговерти, встав, когда еще звезды синели, она не забыла ласково шлепнуть мужа рукавицей и с нежностью подумала: «Пилит. Раньше меня поднялся»...

Сколько же у Катерины самоотверженной нежности к Ивану Африкановичу! Другая бы жена, узнав, что муж по пьянке лишился трехмесячного заработка, такую бы ему головоломку устроила. А наша душа Катерина: «Ты, Иванушко, чего? Расстроился, вижу, наплюнь, ладно... и не думай ничего». Как она его ласково, словно в русской сказке, Иванушкой называет. А сколько нежности в этом «наплюнь»! А у нее по лавкам даже не семеро, а девяттеро! Перед этим Катериным «наплюнь» блекнут все «миллионы алых роз».

И понятно, что не один раз в трудную минуту Катерина ласково, как в русской сказке, величала мужа Иванушкой и произносила свое нежнейшее «наплюнь». И представляется, как Иван Африканович на охоте пожалел красотку лису (ведь воробья с петухом пожалел), а потом стал корить себя, мол, за шубку-то лисью можно было справиться обнову Катерине, деткам. А Катерина ему свое нежное: «Наплюнь, Иванушко, не расстраивайся. И у лисы детки есть...» Сразу у него на душе светло и весело. И оба счастливы. А это поважнее любой обновы.

Жить бы им и радоваться с их вчерашней, и позавчерашней, и завтрашней радостью, но... Странной управлял «кукурузник» Хрущев. Много он бед принес русскому народу. Грозил, что вскоре покажет по телевизору последнего попа, рушил храмы, сживал со свету священников да монахов. Правда, не посмел вслух сказать, что вскоре покажет по телевизору последнего крестьянина, но и тут за дело взялся рьяно...

Под этот хрущевский каток попали и наши Иван Африканович с Катериной. В их семье, где столько ртов, корова Рогуля была кормилица из кормилиц. А сено косить для частных коров запрещали. Приходилось косить тайком, в лесу, с таким страхом, что «ворона на ветке лапами переменится - оглядываешься». Так и это сено экспроприировали. Жить как-то надо было, и пришлось Ивану Африкановичу поехать на заработки на север с баламутом Митькой. Еле живой он с этих «северов» вернулся.

Катерина в его отсутствие надорвалась на покосе и умерла. Корову Рогулю кормить было нечем - пришлось зарубить на мясо; детей позвать по людям да интернатам... Нет, не дали порадоваться Ивану Африкановичу с Катериной...

О великих произведениях лучше всего приговаривать вслед за писателями: «Ай да Пушкин! Ай да Шолохов! Ай да Белов!». Что еще сказать? «Мороз и солнце! День чудесный!». Или: «Первый снег, как и всегда почти бывает, растаял». Так по-осеннему запевается глава «Ветрено, так ветрено». Просто точно сказано всем известное? Нет, не просто. Точность всегда далеко идет.

Сначала Евстоля рассказывает Степановне, как умирала Катерина: «Ой, матушка, Степановна, подошла я это ко кровати-то, села у изголовья, а она за руку меня ловит да воздухом-то ухлебывается. «Мамушка, - говорит, - разбуди ребят-то, ведь я умираю...» Я-то, милая, сижу плачу, не знаю, что делать, а она только после и сказала уж без памяти, видно, сказала: «Иван, ветрено, - говорит, - ой, Иван, ветрено как!» - да тут и вытянулась, чую, затихла вся...»

Так ветрено, что упал снег на землю белым саваном! Смертным саваном упал!

Потом Степановна слушала, в чем положили Катерину в гроб, и как Иван Африканович «вина-то ни капли в рот не взял, как неумной сделался», и как Евстоля, боясь, что он над собой что-нибудь сделает, догнала его на лугу, а потом «вечеру, гляжу, лопату взял да и пошел в загородку картошку копать... - даст Бог, направится, отойдет». Как это просто и мудро - пошел картошку копать, значит, направится. Прошло страшное, когда жить «непошто».

Спросив, почем сдали корову (жизнь-то продолжается!), Степановна начала шептать Евстолю «в обрамленное сединой ухо», что Нюшка сможет заменить оставшимся дома Катериным ребятишкам родную мать, «да и коровам прежнюю обряжу».

И первый снег растаял! Саван растаял! Растаял снег на сердце от шепота Степановны! Жизнь продолжается! И понимаешь, что снег еще ляжет и зим-то с метелями и морозами еще много впереди у Ивана Африкановича с Нюшкой. Много еще «снегов» их впереди ожидает!..

Предпоследняя глава, как и вся повесть, называется «Привычное дело». Почему? В главе ключ, подсказывающий, что есть «привычное дело» для наших крестьян.

Однажды утром Иван Африканович услышал, как молится Евстоля: «Возоплю в скорби моей к Господу Богу моему, и услышит меня. Из чрева ада волю мой, услышит голос мой. Ввергнет меня в глубины сердца морского, и все реки обнимут меня. Все высоты Твои и волны Твои на меня падут...» Ночью Ивану Африкановичу много раз приходила на память старая лодка, и он «решил сходить в лес, к запереченной еще в прошлом году осине для новой лодки... Надо идти». К Черной речке он пошел и... заблудился. Плутал, плутал, выбился из сил, а тут и ночь пришла. Решил: «Надо собраться с мыслями, отдохнуть. Ночевать под елкой, отдышаться, а там, завтра будет видно». Срубил смоляную сушину... перерубил на чурки. «Костер загорелся, и темнота сразу сдавила Ивана Африкановича, лес похмурил и сделался жутким». От этой поразительной психологической точности ожило во мне юношеское еще: когда разведешь ночью костер в лесу, сразу жмешься ближе к огню и хочешь, чтобы он горел со всех сторон. Сразу страшную темноту спиной ощущаешь. И понимаешь, какой же ты маленький по сравнению с ней, с этой темнотой

лесной...

Попытался Иван Африканович, но «не мог уснуть, лишь сознание изредка затыгивало сонной пеленой, на полминуты он забывал иногда, где он и что это шумит вокруг... Ивану Африкановичу в полузабытии чудилось, что это катится на него широкий, безбрежный водяной вал, выламывающий подряд многие деревья и смывающий все на своей дороге... и топил все на свете темный потоп, и хочется крикнуть, остановиться, и сейчас он поглотит весь мир... этот страшный потоп, опять раз за разом топил и топил его, но никак не мог утопить совсем».

И приходят на ум страшные слова Евстолиной молитвы в начале главы: «Ввергнет меня в глубины сердца морского, и все реки обнимут меня. Все высоты Твои и волны Твои на меня падут». Волны падут! И ясно, что ввергли Ивана Африкановича «во глубину сердца лесного» и чуть он не «утонул» в нем.

Еще в начале повести Иван Африканович, торопясь к рожающей Катерине, прорываясь сквозь снежный буран, «как утопающий, крутил головой, искал удобного положения, чтобы вдохнуть воздух». Как утопающий! И чуть не утонул Иван Африканович «во глубине сердца лесного», а Катерина утонула в жизненном «море»...

Да ведь и не сами тонут они, наши крестьяне русские, а топят-топят их уже много веков подряд. Татары, ляхи, французы, немцы, несть им числа. Потом «свои» Ленины, Сталины да Хрущевы. И господа дворяне, почти все Бога забывшие, столько кровушки выпили!.. Топят наших крестьян русских и никак утопить не могут. В крови топят, в работе непомерной, в неволе, в вине топят («вся земля вином захлебнулась»).

Теперь-то никто уже не скрывает, что жизнь русских крестьян в XX веке - это и есть жизнь во чреве адовом, во глубине «сердца морского».

Так что ключ, думаю, найден. Для русских крестьян привычное дело, что топят-топят их все силы земные и адские, а они все пробиваются наверх, как тот родничок, у которого любили сидеть Иван Африканович с Катериной. «Жив, значит, родничок, не умер. Попробуй-ка завали его. Хоть гору земли нагребь, все равно, видно, наверх пробьется...»

«Вода была так прозрачна, что казалось, что ее нет вовсе, этой воды». Писатель не о родничке, о таланте своем сказал. Настолько он у него прозрачный, что его тоже будто бы вовсе нету, таланта этого... Кажется, что и без художника понятно, что у родничка этого Иван Африканович с Катериной останавливались только после очередных родов, с новорожденным. Потому что у них орава детей и хозяйство, и никак им из деревни своей не оторваться. Зато после родов они непременно посидят возле своего родничка, попьют сладкой водички. Правда, есть в повести «подсказка» - когда Степановна приглашала Евстолю в гости, то «она и сама знала, что Евстоля не придет, некуда ей было идти от такой оравы внучат». Так и Ивану Африкановичу с Катериной некуда идти от такой оравы детей.

Один только раз напился воды из родничка Иван Африканович без Катерины. И горька же она оказалась эта вода без Катерины - здесь он узнал о ее смерти. У родничка они встречали новую жизнь, и здесь же Иван Африканович встретил смерть...

Вообще, у Белова все происходит будто бы без него, без его воли. Так он мимоходом обронил, что Иван Африканович обменял Библию на гармонию. «Буду, Катюха, тебя веселить...» Вроде бы хотел писатель подчеркнуть этим великую силу любви Ивана Африкано-

вича к Катерине, что ради нее он не пожалел то, что «берегли Дрыновы (предки его)... пуще коровы, пуще лошади, так и лежала на полице после деда». Самое дорогое в доме променял на гармонию, хотел жену любимую веселить. Но даже играть не научился. За безрассудство всегда расплачиваются. И расплатился Иван Африканович жестоко. Глядя из сегодняшнего дня, мы понимаем, как точно, глубоко сказано о судьбе русского народа в XX веке! Обменял русский народ отцовскую веру православную на гармонию! Повеселиться хотел! Так повеселился, что русского народа почти не осталось. Да и те уже не совсем русские. Таких светлых душ, как Иван Африканович да Катерина, нынче днем с огнем не сыщешь. Да-леки они от нас, как сказки русские!

«Белого, чуть подсиненного неба не было, какое же небо, никакого нет неба. Есть только бескрайняя глубина, нет ей конца-краю, лучше не думать...» Для Белова верх совершенства, красоты - когда их будто нету. Будто нету воды в роднике, нету неба, нету даже теней... И самого писателя в повести как будто нету. Настолько он прозрачен, как вода родниковая, легкий, как вологодский воздух морозный, глубокий, как небо русское... Кружева вологодские писателя Василия Белова! Сплетены они из воды родниковой, из воздуха морозного, из неба бездонного! Из великой любви к народу русскому! Из тончайших «узорчиков» жизни: «В солнечной, будто пыльной мгле, по деревне ехал на кобыле бригадир». Для того, чтоб увидеть эту «солнечную, будто пыльную мглу», надо встать рано утром - днем ее не бывает. Надо встать рано, но это еще не значит, что ты увидишь. Для этого надо быть Василием Ивановичем Беловым! В детстве своем деревенском я нередко вставал рано, и она не раз была у меня перед глазами эта «солнечная, будто пыльная мгла», но увидал я ее, прочитав «Привычное дело». Но, конечно, кто рано встает, тому Бог дает. И глаз хороший, и ухо, и сердце. Недаром язык деревенских людей такой точный, меткий, сочный. Они рано встают!

Весной Белов видит: «Леса вокруг словно подвинулись ближе к деревне». Изумительно точно. Зимой, укрытые снегом, скованные морозом, леса от деревни отодвигаются... Летом же лес совсем близко к деревне подступает. Даже в саму деревню заходит - травкой, цветочками, листочками... Зимой лес дальше, как дальше все неживое, спящее. Даже родной человек, когда спит, дальше от нас становится. Хочется разбудить его, чтобы он не отдался, не ушел... Весной лес оживает, пробуждается, потому он ближе к нам становится...

Писатель слышит, что вечером коровы уже не трубят, «а лишь тихонько и устало мычат в ноздри». Чтобы такое услышать, надо быть нежным к корове, надо за ней поухаживать... «Каждый раз Рогуля как будто бы удивлялась этой траве, косматому солнцу, теплу, и удивление до половины лета хранилось в сизой глубине недоуменных коровьих глаз». Корова у Белова - существо неземное! «Для нее не было большой разницы между страданием и лаской, и то и другое она воспринимала только лишь внешне, и ничто не могло нарушить ее равнодушия к окружающему». Корова у него, как святая! Это для святых уже почти нет разницы между страданием и лаской - за все они славят Бога...

Вершит повесть Василий Иванович печально и по-русски светло: «Горько, по-древнему пахло дымом костров...» Горько, по-древнему... Все вьется над русскими полями дымная горечь костров!..

Великим постом 2010 года.